

В дни, когда рядом был Чжан Жань, жизнь Чжан Цинье была полна сюрпризов. Мягкость и забота мужчины казались сном. Каждый день он ждал, надеясь, что, открыв глаза, увидит новый день, сможет заново познать мир. Столько новых и прекрасных вещей ждали его, и у него даже могло быть будущее, как у обычного человека.

— Цинье, хочешь поиграть в игру?

Светло-серые глаза Чжан Жана не отрываясь смотрели на Чжан Цинье. Его обычная мягкая улыбка исчезла, но он все еще улыбался, его красивое лицо было лишено эмоций. Прожив с ним так долго, Чжан Цинье знал, что, когда Чжан Жань смотрит на него так, его предложения нельзя отвергнуть.

— Я знаю одно интересное место, пойдем со мной.

Впервые он отправился в Город Захороненных Костей, чтобы принять участие в игре. Именно тогда он понял, что человек может жить в стольких разных формах, может быть лишен достоинства, но при этом быть свободным. С картой воскрешения смерть стала незначительной. Карты продавались, и жизнь можно было оценить в денежном эквиваленте.

Первая игра проходила на заброшенной горе. Пятиметровая яма с трупами, тела были сложены друг на друга, постоянно раздавались странные крики. Сухие руки торчали из-под тел, словно пытаясь вырваться или затянуть в яму тех, кто был снаружи.

— Вряд ли там что-то есть, правда? Цинье, возьми это и спустись посмотри.

Мужчина дал ему пять карт воскрешения. Он привязал к шее Чжан Цинье веревку, похожую на тонкое запястье ребенка, и, не дав ему выбора, бросил вниз. Впервые Чжан Цинье заплакал, цепляясь за край ямы. Как бы он ни был стар для своих лет, он все еще был ребенком, боялся трупов, темноты и смерти.

Чжан Жань присел и мягко вытер ему слезы:

— Не плачь, держи это, ты не умрешь по-настоящему.

— Если не будешь слушаться, папа расстроится, ты ведь не хочешь этого?

— Цинье, ты же знаешь, что в мире нет бескорыстной любви.

Чжан Цинье умер, его сердце было вырвано, пасть злого духа была полна его плоти и крови. Худенькие конечности, торс, на котором виднелись ребра. Один раз умерев, он возродился на месте, его отчаянный хриплый крик заставил всю гору содрогнуться. Когда маленькое тело вытащили из ямы, лицо уже посинело от натяжения веревки. Последний раз он умер от удушья, когда надежда на спасение была перерезана.

Мужчина мягко улыбнулся:

— Цинье, какой же ты бесполезный, умер так быстро. Похоже, в яме опасно, интересно, есть ли там какие-то зацепки...

После принудительного выхода из игры Чжан Цинье потребовалось много времени, чтобы понять одну вещь.

Он был всего лишь собакой, которую Чжан Жань тщательно вырастил для разведки, собакой на

поводке.

Если бы можно было записать все способы смерти человека, наверное, никто не мог бы похвастаться таким количеством смертей, как Чжан Цинье. С двенадцати до двадцати лет, когда Чжан Жань загадочно погиб, целых восемь лет, за исключением учебы, он практически не покидал Город Захороненных Костей. Вначале худенькое тело мальчика держал в руках Чжан Жань. Каждую ночь он просыпался в панике, словно все еще был в той яме с трупами, окруженный тьмой, не в силах вырваться, силы разрывали его лицо, бедра и шею.

В жизни не было никакого утешения, чтобы забыть эти ужасные воспоминания.

Чжан Жань все так же был мягким, заботясь о жизни Чжан Цинье до мелочей. Он помнил каждый его день рождения, любой праздник, всегда готовил сюрпризы. Если бы не его лицо, которое никогда не старело, он мог бы сойти за обычного отца. У него была вся снисходительность, которую должен иметь отец, он даже построил для Чжан Цинье бассейн. Чжан Жань дарил ему заботу и тепло, но никогда не жалел его. В глубине души, хотя Чжан Цинье не хотел признавать, никто его не любил.

С двенадцати лет на теле Чжан Цинье больше не появлялось ран. Чжан Жань никогда его не бил. Город Захороненных Костей не причинял реального вреда телам игроков, но одна смерть за другой глубоко врезались в его сердце. С каждым днем он становился все выше, все реже проявлял страх, будь то обман или убийство, он справлялся с легкостью. Он был оружием Чжан Жана.

В восемнадцать лет, после очередной игры, он покинул школу уже в сумерках. Чжан Цинье остановили.

— Эй, я ученик из твоей школы.

Лицо юноши покраснело от смущения, но его поведение было прямым и открытым:

— Ты меня помнишь? Меня зовут Сюй Сянчэнь.

Это был не первый раз, когда Чжан Цинье видел Сюй Сянчэня.

Стоя на лестнице между третьим и вторым этажами и глядя через высокое окно, он мог видеть класс: тот всегда сидел у окна, иногда дремал, иногда подпирал голову, глядя на доску. Сюй Сянчэнь всегда излучал легкую лень. Чжан Цинье спускался по лестнице, и тот поднимал голову из класса, встречаясь с ним взглядом, слегка улыбаясь. Солнечный свет и тепло ветра украшали его глаза, словно растворяя все горести мира. Сердце Чжан Цинье пропустило удар, и он оступился, упав с лестницы.

Ученики, услышав шум, выбежали, увидев, как он упал в нелепой позе, и разразились смехом. Кто-то помог ему встать, мизинец на ноге был сломан. Для Чжан Цинье такая мелкая травма не имела значения, но на его обычно спокойном лице появилось волнение, смешанное с другими эмоциями. Он увидел, что Сюй Сянчэнь тоже вышел, выглядывая из толпы и стараясь увидеть его.

Даже до того, как Сюй Сянчэнь признался ему в чувствах, не следил за ним, не признавался, когда они были чужими, Чжан Цинье украдкой стоял на лестнице, притворяясь, что проходит мимо, и заглядывал в класс. Он проходил мимо каждый урок, Сюй Сянчэнь иногда поднимал голову, иногда нет.

За двадцать лет он всегда был несчастлив, но среди миллионов людей встретить взаимную любовь с первого взгляда было таким счастьем.

Стоя спиной к закату, Чжан Цинье улыбнулся, без расчетов, без хитрости и жестокости, эта улыбка шла из самого сердца:

— Я помню тебя.

Цинь Энь с любопытством провел окровавленным кинжалом по лицу трупа, сбывая щетину.

Кроме черных резиновых перчаток, на которых кровь не была видна, весь его белый халат был залит кровью. На его юном лице тоже были капли крови. Как опытный охотник на игроков, Цинь Энь лучше всех знал, как быстро лишить жертву жизни. Он крепко связал двоих в комнате 313, завязал глаза и рот белой тканью. Лезвие вонзилось, и жертвы могли только издавать глухие звуки, быстро умирая. Он не спешил уходить, а спокойно наблюдал за двумя телами на полу. У многих игроков были карты навыка воскрешения, и даже убив их один раз, нельзя было быть уверенным, что они покинут игру. Сегодня карты навыка у этих двух жертв были особенными, и после нескольких смертей усатый снова оживал.

Цинь Энь наступил ногой на грудь человека и, как ребенок, радостно подпрыгнул пару раз.

Изначально он планировал охотиться на игроков по порядку комнат, но сегодня вдруг изменил направление. Это был Чжан Цинье, кто предложил ему сначала зайти в 313. Цинь Энь не знал, сколько карт навыка Чжан Цинье дал усатому в качестве «извинения», но, очевидно, все онигодились, когда он раз за разом убивал его.

Любить убийства, любить власть, быть поглощенным всеми желаниями... Цинь Энь знал, что он не нормален, поэтому в его глазах Чжан Цинье тоже был ненормальным.

С первой встречи Цинь Энь был уверен, что этот человек такой же, как он. Год назад Чжан Цинье случайно заметил, что Цинь Энь следит за Сюй Сянчэнем. В руках у мальчика с безобидной внешностью было три тетради с записями о Сюй Сянчэне, толстая пачка фотографий, которые он всегда носил с собой. Он даже тщательно зарисовывал каждое движение Сюй Сянчэня, изображая их с поразительной точностью.

В первые годы, когда Сюй Сянчэнь только начинал проявлять себя, Цинь Энь был почти безумно увлечен им. Он любил власть, и ко всему, что было связано с ней, у него было почти болезненное пристрастие. Поэтому, когда Сюй Сянчэнь начал выделяться, он сразу обратил внимание на этого красивого юношу. Ему нравилась решительность Сюй Сянчэня, но больше всего он любил его власть. Каждое движение Сюй Сянчэня в игре было ослепительным.

Скоро начнется кульминационная арка, поэтому сначала небольшой бонус.

<http://bllate.org/book/16409/1486765>